

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В США
В ОСВЕЩЕНИИ НОВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Milton M. Gordon. *Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origin*. New York, 1964; Robin M. Williams, Jr. *Strangers Next Door. Ethnic Relations in American Communities*. Englewood Cliffs. 1964; Seymour Martin Lipset. *The First New Nation. The United States in Historical and Comparative Perspective*. New York, 1963; Peter J. Rose. *They and We. Racial and Ethnic Relations in the United States*. New York, 1964.

Население США отличается, как известно, большой пестротой национального и расового состава. Проблема отношений между различными этническими элементами американской нации, неотделимая от всей ее истории, стоит в наше время чрезвычайно остро. Ныне она связывается главным образом с мощным и нарастающим негритянским движением. Негритянским вопросом и вообще национальным вопросом в США занимаются в Америке и историки, и социологи, и этнографы; занимаются теоретически и практически. Основная проблема, которая возникает перед ними — к чему пришла американская нация за два века своего развития? Какова этническая структура современного американского населения, каковы взаимоотношения составляющих его национальных и расовых групп? Каковы итоги ассимиляции, которой поколениями подвергались все этнические группы США? Что сулит американской нации будущее? Особенно деятельно разрабатывают эти вопросы социологи.

В книге Милтона Гордона, профессора социологии Массачусетского университета, «Ассимиляция в американской жизни» широко используются схемы, таблицы, модели и другие средства формализации исследования. Автор выдвигает, как в математике, гипотезы, стремится давать четкие определения естественно-научного типа. Он ставит перед собой задачу исследовать «природу самой групповой жизни в крупной индустриализованной городской нации, сложившейся из разнородного населения» (стр. 3). Предметом его внимания становится прежде всего этническая группа как компонент американского населения. Она характеризуется как «всякая группа, которую определяет или выделяет раса, религия или национальное происхождение — или же какое-нибудь сочетание этих категорий» (стр. 27). Расплывчатость и неопределенность этой характеристики автор пытается объяснить тем, что все перечисленные им детерминанты создают один и тот же социально-психологический результат — «чувство народности», т. е. этническое самосознание.

Однако люди живут не только этническими группами, и М. Гордон не склонен пренебрегать их классовой принадлежностью¹. Но как он ее понимает? Для него классы — это иерархические подразделения людей, «основанные на различиях в экономической силе, политической силе или общественном положении» (стр. 40 рецензируемой книги). При этом за главный критерий принимается общественное положение, понимаемое как «психологическая система отношений». Разумеется, такое определение класса, эклектическое и ставящее во главу угла психологические, а не экономические отношения, нельзя признать научным. М. Гордон придерживается также разделения американского общества на шесть классов, которое введено Уорнером и широко применяется в американской социологической литературе. Эта — также эклектиче-

¹ М. Гордон является автором книги «Общественный класс в американской социологии» («Social Class in American Sociology», Durham, North Carolina, 1958).

ская и достаточно поверхностная — система делит общество на высший, средний и низший классы, каждый из которых подразделяется еще на высшую и низшую часть.

Чтобы выразить одновременную принадлежность людей к разным этническим группам и разным классам, М. Гордон вводит термин «эткласс (ethclass)». Это — результат пересечения этнических и классовых подразделений, «общественные единицы или участки ограниченного общественного пространства..., находящиеся в сельской или городской обстановке в определенном районе страны» (стр. 47). При этом автор справедливо отмечает, что для поведения людей их классовая принадлежность важнее этнической.

По поводу ассимиляции, составляющей тему всей разбираемой книги, М. Гордон указывает, что этому термину, который в ходу у социологов, антропологов (в нашем словоупотреблении — этнографы) предпочитают термин «аккультурация». Сам он различает культурную ассимиляцию или аккультурацию и ассимиляцию структурную. Культурная ассимиляция происходит, по его мнению, прежде всякой другой и побеждает уже во втором поколении иммигрантов. Но краеугольным камнем всякой ассимиляции Гордон считает ассимиляцию структурную. Она влечет за собою брачную ассимиляцию, т. е. физическое смешение различных этнических групп. Казалось бы, это здравый взгляд на вещи — если под структурной ассимиляцией понимать включение новых этнических групп в хозяйственную и классовую структуру принимающей страны, их участие в ее общественном развитии и общественной борьбе. Но под структурой, да еще первичной, т. е. основной, Гордон подразумевает связи, образующиеся в добровольных обществах, клубах и т. п. организациях. Такая точка зрения неизбежно представляется поверхностной.

Несколько глав книги М. Гордона посвящено исторнографическому обзору теорий ассимиляции, которые, отмечает он, мало изучены в США. Он излагает в исторической последовательности три главные теории, возникшие в разное время, однако существующие в том или ином виде и по сей день. Старейшая из них, но господствующая в подсознании широких кругов и поныне, это та, которую автор называет англо-конформизмом и согласно которой все этнические меньшинства должны, теряя свои особенности, воспринять англоязычную культуру ядра американской нации. По его мнению, в области культуры эта тенденция и возобладали: победило то, что он считает сердцевинной американской культурой — культура «белых протестантов англосаксонского происхождения, принадлежащих к среднему классу» (стр. 72).

Другая теория — это известная концепция «плавильного котла», которая получила свое имя в начале XX в., хотя и возникла раньше: все национальные элементы, все разнообразные культуры сплавляются в Америке в единую нацию и новую единую культуру. В последнее десятилетие эта теория подверглась значительной модификации. Обследовав смешанные браки в Нью-Хейвене (штат Коннектикут) за 70 лет и установив, что там преобладает, хотя и уменьшаясь, этническая эндогамия, что эндогамия в религиозных группах (среди католиков, протестантов и иудеев) более полная, социолог Руби Кеннеди выдвинула идею «тройственного плавильного котла», в который вливаются уже не этнические, а религиозные группы, образовавшиеся из различных этнических меньшинств. Эта идея была подхвачена и развита рядом других ученых. Ее принимает и М. Гордон, считающий, что американское общество состоит теперь из целого ряда «котлов» или «субобществ». Кроме трех по религиозному признаку, в него входят расовые группы и существенные остатки национальных групп.

Третья теория — культурный плюрализм, возникший после первой мировой войны как реакция на насильственную американизацию: каждая национальная группа сохраняет свою культуру и свои этнические связи; в целом взаимодействуя, они обогащают культуру всей Америки. М. Гордон полагает, что главным в этническом строении американского общества является структурный плюрализм — разделение на расовые и религиозные группы, сопровождающийся убывающим культурным плюрализмом. Таким образом, это общество, по Гордону, состоит из ряда «субобществ» (например, белые католики), характерной чертой которых является эндогамия и которые обладают «субкультурой». Последнюю он склонен отождествлять с «этклассом», т. е. группой людей, принадлежащих к одной национальности и одному общественному классу. К особому «субобществу» Гордон относит интеллигенцию. Здесь господствует этническое смешение и интеграция, не только культурная, но и структурная — в понимании Гордона. Этим интеллигенция, отчуждающаяся и от своих этнических групп, и от «массовой культуры», символизирует будущее нации. Впрочем, интеллигентское «субобщество» пока не включает в себя негров, отмечает М. Гордон.

Работа Гордона интересна как попытка понять связь этнического разделения американского общества и его общесоциальной структуры. Полезен данный им историко-графический обзор темы, причем он отмечает недостаточность господствующего в литературе психологического подхода, справедливо указывая, что предрассудки и дискриминация коренятся в структуре общества и не могут быть поняты вне ее.

Книга Робина Вильямса «Чужаки рядом», имеющая подзаголовок «Этнические отношения в американских городах», представляет собою обобщение конкретных социологических исследований, организованных Корнельским университетом. Эти иссле-

дования велись в течение 8 лет в разных городах США, причем главной базой служили 4 города, расположенные в различных по типу областях страны. Как принято в американской социологической литературе, они даются под вымышленными названиями, хотя псевдонимы и раскрыты. Все обследованные города — самостоятельные промышленные районы с населением от 40 до 120 тыс. чел., преимущественно рабочим. Везде — значительное число негров. Предметом изучения были главным образом расовые и национальные предрассудки, а подход — преимущественно психологическим. В этом смысле книга Р. Вильямса относится к тем многочисленным американским психологическим работам об этнических предрассудках, на односторонность которых сетует М. Гордон. Хотя Р. Вильямс в нескольких местах заявляет, что отношения этнических групп зависят не от психологических черт личности, а от внешней реальности, фактически в его книге преобладает индивидуально-психологический анализ. Так, в частности, широко использована концепция «авторитарной личности», имеющая большое хождение в литературе последних 15 лет и использовавшаяся для психологического объяснения фашизма. Р. Вильямс находит, что комплекс авторитарной личности способствует этническим предрассудкам, хотя и не объясняет их.

При анализе фактических данных обследованные люди классифицируются автором, который, видимо, следует выдвинутой Т. Парсонсом теории «социального действия», по самым различным признакам: по полу, возрасту, образованию, общественному положению, принадлежности к организациям и т. д. При этом все группировки трактуются одинаково, не выделяются основополагающие группы — общественные классы. Это — порок работы, хотя в ходе изложения сам материал часто вынуждает автора ссылаться на расовое разделение, причем и он, подобно М. Гордону, принимает 6-классную схему Уорнера.

Что касается методики обследования, то здесь прежде всего применялись анкеты. Трудно отделаться от впечатления, что некоторые вопросы их произвольны, другие провоцируют определенный ответ (например: «Стали бы вы мерить костюм в магазине, обслуживающем негров?» и т. д.), третьи рассчитаны на самоанализ опрошенных и могут быть для них болезненны, например, вопросы неграм, как бы они реагировали на разные оскорбительные замечания со стороны белых. Между тем, и суммирование ответов на такие вопросы делается серьезные выводы об этнических взаимоотношениях.

Автор справедливо отмечает, что одно дело — установки опрошиваемых, кристаллизующиеся в их ответах, другое же — действия, которые они совершат в конкретных жизненных обстоятельствах. Во втором случае велись наблюдения за уличными сценами, за отношениями на производстве, за детскими играми и т. д. Ставились даже эксперименты — например, негр — участник работы приходил в трактир, где обслуживают только белых, и записывал дальнейшее течение событий. Фактические данные сведены в таблицы, схемы, суммированы.

К каким же выводам приводит автора огромный материал обследования, сопоставленный с заключениями других авторов? Длительное взаимодействие между разными народами совсем не обязательно приводит к конфликтам. Последние, — столь же справедливо замечает он, — зависят главным образом от «природы той социальной системы, в которую входят эти группы» (стр. 23—24). Этноцентризм при глубоком укоренившихся исторических расприх между национальными группами сопровождается предрассудками, распри же бывают связаны с разными видами конкуренции чаще всего экономической. Сам этноцентризм встречается и в отрицательной форме — недовольство своей этнической группой, даже ненависть к ней. Последняя чаще всего наблюдается среди национальных меньшинств. Этнические предрассудки обычно проявляются в стереотипах — комплексах свойств, которые приписываются другим этническим группам. «Стереотипам, как и слухам, особенно благоприятствует сочетание интереса с невежеством» (стр. 37). Весьма часто стереотипы выражены в этнофобизмах — пренебрежительных кличках людей, принадлежащих к иным этническим группам. Особо анализируются в книге бытовые формулировки предрассудков. Они классифицируются на случайные и преднамеренные, прямые и косвенные. Степень предубежденности зависит от разных факторов, к числу которых относятся географический район, принадлежность к общественно-экономическому классу, образование и т. д.

Дискриминация негров, говорится в книге Р. Вильямса, ведет к их сегрегации, причем из всех ее видов основным является сегрегация жилищная, которая свойственна большинству американских городов и задает тон отношениям негров и белых. За последние десятилетия она растет — на Севере больше, чем на Юге. Сегрегация тем больше, чем выше доля негритянского населения в городе. Первое место по сегрегации негров занимает Чикаго. Чем больше сегрегация, тем чаще происходят межрасовые конфликты, пишет Р. Вильямс, отмечая связь их с безработицей. В больших городах, таким образом, межрасовые отношения острее, но там же сильнее организации негритянского протеста и организации расового сотрудничества.

Хотя в книге имеется материал и об американских мексиканцах, и евреях, и о белых христианах, т. е. большинстве населения, выделенных в особую группу, большин-

часть ее уделена неграм. Автор делает важный вывод, что предубеждение к одной этнической группе располагает к предубеждению по отношению к другим. Зависимость дискриминации от экономической системы капитализма он отрицает и поэтому не считает нужным решительное преобразование общественного строя для исчезновения дискриминации.

Особый интерес вызывает глава книги, посвященная психосоциологии этнических меньшинств, преимущественно негритянского. Оно далеко не однородно. В городах Севера негритянское население, как известно, очень выросло за последние десятилетия, пополнившись переселенцами с Юга. Между неграми-старожилами и вновь прибывшими, которые обычно уступают первым по квалификации и т. п., происходят трения. Среди старожилов распространены стереотипные суждения о пришельцах, соответствующие стереотипному мнению обо всех неграх, которое бытует среди белых. Р. Вильямс отмечает, что негритянская буржуазная верхушка иногда разделяет предрассудки белых по отношению к массе негров. В негритянских районах разные церкви и трактиры обслуживают разные слои населения. Сложного расслоения в «негритянском субобществе» обычно не замечают белые,— пишет Вильямс. Единство же негритянского населения объясняется не общими чертами негров, а общностью их судьбы. Более всего его усиливает дискриминация, которой подвергаются негры. Р. Вильямс приводит распространенное выражение: «Когда негр является негром? Когда с ним обращаются, как с негром?».

«Предрассудки порождают контрпредрассудки», замечает Вильямс (стр. 257). Разумеется, и в негритянской среде бытуют этнические предубеждения против белых. Но характерно, что негры-активисты, борцы за равноправие, как отмечено в книге, заражены ими в меньшей мере, чем пассивные негры. Дружеские связи белых и негров, по данным обследования, чаще всего завязываются на работе. Как видно, к преодолению расовой розни ведет прежде всего пролетарская солидарность. Р. Вильямс отмечает, что солидарность негров совместима со стремлением к интеграции, «потому что негр — неразрывная часть американской культуры и общества» (стр. 310). Книга Вильямса ценна преимущественно своим богатым полевым материалом. Справедливы и некоторые частные выводы, которые делает из него автор.

Один из виднейших социологов буржуазной Америки, С. М. Липсет в книге «Первая новая нация» представляет США как пример для освобождающихся колониальных стран. США, пишет он, были первой колонией, освободившейся от власти метрополии, притом революционным путем, это же повторяют ныне африканские и азиатские колонии. По мысли автора, это породило существенное сходство политического и идейного развития между ними. Опыт Америки, по его мнению, объясняет процессы, происходящие в Азии и Африке. Хотя С. М. Липсет заявляет о необходимости сочетать сравнительный подход с историческим, его обобщения и сравнения делаются в отрыве от исторической реальности. Он пренебрегает различиями между колониями разных типов и, соответственно, разного уровня развития, а также разницей исторических периодов — конца XVIII в. и второй половины XX в. По основному замыслу книга представляет собою акт идеологической борьбы американского капитализма за влияние на страны «третьего мира».

Касаясь американской революции, Липсет преувеличивает классовую, этническую и языковую однородность американского населения в то время. В основе американской системы ценностей,— пишет Липсет — лежат коренящиеся в революционном происхождении США и не вполне совместимые друг с другом ценности — равенство и успех. Их действием Липсет, оспаривая материалистические тенденции в американской социологии, объясняет экономическую жизнь и общественные взаимоотношения на протяжении всей истории США. Расизм, по убеждению С. М. Липсета, противоречит американской системе ценностей, и это противоречие создает в американском обществе психологическую напряженность.

Для настоящего обзора наибольший интерес представляет глава книги, посвященная религии. Религиозные особенности США вытекают для автора из тех же основных ценностей — равенства и успеха — и так же постоянны. Прежде всего, это — светский характер американской религии. Эмоциональная религиозность в США незначительна, интерес к церковным догмам и богословию — также, между тем число прихожан многочисленных церквей, которые широко занимаются мирскими делами, очень велико, исповедование религии (любой) почитается чуть ли не гражданским долгом. Это явление отмечено многими авторами, но большинство связывает его с новейшим историческим периодом². Липсет же находит, что так было всегда. США издавна принадлежат к «самым религиозным странам христианского мира» (стр. 150). В конце XIX 92% их населения входило в разные религиозные организации, а один священник приходился на тысячу жителей, и за последующие десятилетия это положение не изменилось, указывает Липсет. Если тяга к равенству в психологии американского общества коренится в традициях первой революции, то вторая главная цен-

² См. например, M. Debouzy, *L'anti-intellectualisme dans la vie américaine*, «Annales», Paris, Juillet-Août, 1965, стр. 762.

ность — достижение успеха — берет начало в протестантской этике, пишет автор. Видимо, поэтому он разбирает преимущественно протестантство.

Другую указываемую Липсетом особенность американской религии можно было бы назвать классовой гибкостью. При отсутствии государственной религии многочисленные церкви и секты обслуживают разные социальные группы населения и соответственно выражают различные чаяния и настроения. Так было всегда, отмечает Липсет. Социальный характер и состав отдельных церковных организаций на протяжении американской истории менялся. Разбогатеи, коммерсанты и плантаторы переходили в более уважаемые церкви. На низком социальном уровне стояли в конце XVIII в. пресвитериане. Затем в качестве религиозных организаций широких городских и сельских масс их сменили методисты и баптисты. Подобно этническим группам, религиозные группы постепенно обуржуазиваются (становятся «middle class»), пишет Липсет, а для религиозных нужд новых контингентов низших классов возникают новые секты, оппозиционно окрашенные в социальном и нравственном отношениях. Религиозные секты образовывались в этих общественных слоях под влиянием экономического кризиса и в начале 1930-х гг. Можно добавить, что в наши дни часть обездоленного негритянского населения идет за реакционной религиозной организацией черных мусульман.

Классовое расслоение американских церковных организаций отмечают также М. Гордон и Р. Вильямс. Что касается американских католиков, то они, как отмечено в книге С. М. Липсета, приближаются по стилю к протестантским сектам и ныне больше походят на американских баптистов, чем на мексиканских или французских католиков².

Книга П. Роуза названа «Они и мы. Расовые и этнические отношения в Соединенных Штатах». Заглавие — перефразированное название стихотворения Киплинга «Мы и они», в котором выражено психологическое отношение господствующего народа к подчиненному. Для Киплинга «мы» — это англичане, «они» — заморские колониальные народы. Для Роуза «они» — этнические меньшинства Америки, «мы» — принявшее их американское общество.

Книга «Они и мы» — не исследовательская работа, но представляет интерес как обобщение исследования этнических меньшинств, проведенного разными американскими учеными, своего рода итог. Она изобилует выдержками из работ других авторов, невелика по объему и написана популярно.

В первой же главе, где автор дает определения основных категорий темы, проявляется некоторая антиисторичность подхода. Различные типы обществ, например, даются вне времени, вне последовательности развития. Главный предмет темы, этническую группу, автор определяет как такую группу, члены которой имеют общее социальное и культурное наследие, передающееся от одного поколения к другому. При этом он подчеркивает «взаимозависимость судьбы» у членов этнического меньшинства. Роуз указывает, что этническая общность («этничность») этого меньшинства определяется отношением к нему принимающего общества. Чем лучше это отношение, тем слабее «этничность». Отчужденность и угнетение укрепляют ее — как видно на примере американских негров.

В главе под названием «Нация иммигрантов» П. Роуз дает исторический очерк развития американской нации, снабженный итоговыми цифрами. Причины иммиграции он объясняет эклектически. Разбирая этническую структуру американского общества, П. Роуз склоняется к теории культурного плюрализма, которая, по его словам, стала в США почти общепринятой. Он излагает правило, по которому сегрегация этнической группы тем больше, чем больше ее численность в данном городе. В отношении негров это положение, как говорилось выше, сформулировано в книге Р. Вильямса. Роуз не довольствуется толкованием национальных и расовых предрассудков с точки зрения психологии и психопатологии, что в высокой степени свойственно американским ученым и чему, в частности, отдал дань Р. Вильямс. Роуз считает, что эти предрассудки нужно объяснять социологически — как «общественную привычку», усваиваемую в процессе воспитания. Предрассудки такого рода свойственны, с соответствующими изменениями людям, имеющим разное общественное положение, разное образование. Во всяком случае, подчеркивает Роуз, этнические предрассудки не врождены и по наследству не передаются. Взаимодействие членов этнических меньшинств с членами господствующей группы, отмечает он, происходят более всего в экономической области. Книга заканчивается сжатым историографическим обзором, причем Роуз, как и Гордон, указывает, что в 1940—1950-е гг. в литературе по этому вопросу преобладал психологический подход.

² О социальных и политических чертах американского католицизма гораздо подробнее и конкретнее говорится в книге Н. Глейзера и Д. П. Мойнихена «За плавильным котлом» (N. Glazer and D. P. Moynihan. *Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto-Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City*. Cambridge, Massachusetts, 1963). См. рецензию Ш. А. Богинной на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1966, № 1.

Одной из самых интересных мыслей, которые выдвигаются в рассмотренных выше книгах, является идея общности судьбы, которая определяет степень сплоченности этнической группы и ее самосознание. Это — исторический опыт группы, неразрывно связанный с реальными условиями ее существования в настоящем. Идея общности судьбы наиболее определенно высказана П. Роузом, который ссылается при этом на других авторов.

Достоин внимания усилия упомянутых здесь авторов понять взаимопроникновенные классового и этнического начал. М. Гордон попытался даже построить теоретическую систему, чтобы охватить то и другое. Несмотря на все несовершенство анализа классов у этих авторов, такие попытки представляют значительный интерес.

Большинство авторов, о которых идет здесь речь, более или менее согласно с той распространенной в Америке мыслью, что слияния этнических групп там не произошло. Все они считают, что население США разделено ныне по расовому и религиозному признакам. Однако факты, в том числе и приводимые теми же авторами, в эту теорию не укладываются. Старые иммигрантские национальности прошли значительный путь ассимиляции. Разумеется, более поздние иммигрантские группы ассимилировались в меньшей степени. Разделение по религиям основано преимущественно на данных о смешанных браках, чего нельзя признать достаточным. В католическое «субобщество» явно не включены католики-немцы, ни один автор их даже не упоминает, а между тем они составили весьма ощутимую часть немецкой иммиграции. Не вошли в группу католиков и пуэрториканцы, исповедующие католическую религию. Идея иудаистского «субобщества» не выдерживает критики, так как считать евреев религиозной группой нет оснований, пусть даже американская статистика не учитывает их по другому признаку. Идея же протестантского «субобщества» вообще весьма натянута.

Всех авторов упомянутых книг волнуют перспективы этнических отношений в США, все дают те или иные практические рекомендации. М. Гордон, исходя из своей системы структурного плюрализма, опасается этнической разобщенности и усиления этнических предрассудков в американском обществе. Он предостерегает от форсирования ассимиляции и полагает, что интеграция даже при десегрегации маловероятна. Р. Вильямс считает главным способом борьбы с дискриминацией судебные и административно-политические действия и рекомендует совместную деятельность людей, принадлежащих к разным этническим группам. С. М. Линсет заявляет, что с неграми «необходимо обращаться более чем одинаково», т. е. оказывать им предпочтение. Все это свидетельствует о том, что сложные этнические проблемы Америки не только теоретически важны, но и практически насущны.

Ш. А. Богина

НАРОДЫ СССР

И. С. Гурвич. *Этническая история северо-востока Сибири*, «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 89, М., 1966, 306 стр.

Проблемы этнической истории народов Сибири весьма успешно разрабатываются в нашей отечественной науке. Достаточно сказать, что только в советское время эту область науки обогатили своими фундаментальными исследованиями такие крупные ученые, как С. В. Бахрушин, С. А. Токарев, А. П. Окладников, Б. О. Долгих, С. В. Киселев, Н. Н. Степанов и др.

У считавшихся «внеисторическими» «бесписьменных» и «отсталых» народов Сибири, благодаря неутомимым исследованиям нескольких поколений археологов, этнографов и историков, была открыта своя полная драматизма история, неожиданно оказавшаяся не менее сложной и интересной, чем у иных «цивилизованных» народов. На глазах всего мира сибирские народы после Великой Октябрьской социалистической революции в короткий срок проделали гигантский путь в своем историческом развитии от ранних форм общественных отношений до социализма. Все эти обстоятельства привлекают к новым работам по сибиреведению пристальное внимание и в нашей стране, и за рубежом.

Внимание научной общественности, несомненно, привлечет и недавно вышедший труд И. С. Гурвича, посвященный почти не разработанной проблеме этнической истории северо-восточной Сибири со времени ее включения в состав Русского государства и до наших дней.

Хронологические рамки работы И. С. Гурвича делают ее особенно ценной и актуальной, так как изучение проблем поздней (включая современность) этнической истории нашей страны является одной из первоочередных задач советской этнографии. К сожалению, место, уделяемое такого рода исследованиям в нашей науке, отнюдь не соответствует их теоретической и практической значимости. Что касается поздней этнической истории Севера, то с нею было связано особенно много проблем, требовавших безотлагательного решения. Прежде всего, это были вопросы динамики числен-